

Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России

А. Г. Безверхов, Ю. С. Норвартян

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, Российская Федерация, 443086, Самара, ул. Московское шоссе, 34

Для цитирования: Безверхов, Артур Г., Норвартян, Юрий С. 2018. «Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 522–534. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.405>

В статье исследуются парные категории уголовного права — «насилие» и «угроза». Выявляются их сущностные признаки. Предлагается для обсуждения понимание насилия как уголовно-правовой категории, охватывающей физическое и психическое воздействие: умышленное противоправное применение физической силы, состоящее в воздействии на физическую неприкосновенность другого человека и причинении жертве физической боли, мучений, страданий, а также вреда здоровью или жизни, либо в угрозе причинения указанного вреда. Авторы отмечают, что угроза — это только активная форма поведения. В понятие угрозы применения насилия входит не только озвучивание преступных намерений. Поводом для опасения человека является не сама высказанная или выраженная иным способом угроза, а возможность ее исполнения. Это опасение будет тем большим, чем реальнее эта возможность. Виновный рассчитывает, что потерпевший воспримет угрозу именно так. По этой причине очень часто наступают негативные последствия угрозы, даже если они не требуют в уголовно-процессуальном и материальном аспекте своего установления, закрепления и находятся за пределами понятия психического воздействия. Данные последствия выражаются в нарушении здоровья потерпевшего, ухудшении его физического или психического самочувствия и пр. Доказано, что насилие характеризуется разнообразием форм и многообразием общественно опасных последствий. Кроме того, насилие часто совершается в сочетании с другими видами общественно опасного поведения. Разработаны специальные правила квалификации преступлений, совершаемых с применением или угрозой применения физического насилия.

Ключевые слова: уголовное право, насилие, угроза применения насилия, побои, истязания, причинение вреда здоровью, убийство.

1. Введение. По определению Всемирной организации здравоохранения, насилие представляет собой преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб.

Правовая доктрина трактует категорию насилия несколько уже. Под насилием здесь понимается (1) воздействие, оказываемое одним человеком на *другого* человека. Это воздействие может быть (2) физическим (на тело) и психическим (на со-

знание и поведение) (Безверхов 2014, 14). Оба вида воздействия входят в юридический состав насилия. При этом под насилием понимается такое физическое и/или психическое воздействие на другого человека, которое (3) *нарушает его право* на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность. Иначе говоря, насилие в юридико-догматическом смысле рассматривается как применение силы *без права* на это. Насилие — применение физической силы (4) как *реальное*, так и *подразумевающееся* (в виде угрозы), которое может ограничивать или полностью лишит волеизъявления потерпевшего. При этом не имеет значения наступление (или ненаступление) вредоносных последствий; (5) насилие может быть *беспоследственным* либо повлечь вред жизни или здоровью другого человека.

Насилие продолжает оставаться одной из неотъемлемых негативных черт современной преступности в России. За январь — декабрь 2016 г. было совершено 347 322 преступления против личности, из них: убийств (ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ¹ (далее — УК)) и покушений на убийство — 10 444; умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК) — 27 442; изнасилований (ст. 131 УК) и покушений на изнасилование — 3893. За указанный период в результате преступных посягательств погибло 29,2 тыс. чел., здоровью 44,9 тыс. чел. причинен тяжкий вред². За январь — ноябрь 2017 г. совершено 275 589 преступлений против личности, из них убийств и покушений на убийство — 9060, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — 22 834, изнасилований и покушений на изнасилование — 3795³. При этом следует принимать во внимание высокую латентность насильственного поведения.

Уголовное законодательство России использует понятие «насилие» исключительно в смысле насилия *физического* (Безручко 2001, 25). Установление такой трактовки обусловлено позицией УК и буквальным толкованием его положений.

Существующая в уголовном законе категория «угроза применения насилия» часто используется и в доктрине как синоним понятия «психическое насилие». При этом в доктрине насилие трактуется в основном как преднамеренное незаконное применение физической силы или угроза ее применения к потерпевшему или другим лицам. Поэтому большинство ученых-юристов различают два вида насилия: физическое и психическое (Круковский и Мосечкин 2017, 92; Ivantsova 2015, 187).

Очевидно, что при прочих равных условиях гораздо *большую опасность* представляет насилие, чем угроза его применения. При этом действующий закон в сфере межличностных отношений признает уголовно наказуемыми только угрозы причинением тяжкого вреда здоровью или убийством (ст. 119 УК). За угрозы применения насилия прочего характера уголовная ответственность в разд. VII «Преступления против личности» не предусмотрена (если с их помощью не совершается другое самостоятельное преступление).

Между тем в разд. X «Преступления против государственной власти» содержание составов психического насилия не ограничено лишь вышеуказанными

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 марта, 2018 г. <http://www.consultant.ru>.

² Состояние преступности за январь — декабрь 2016 г. Дата обращения 25 декабря, 2017 г. https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf.

³ Состояние преступности за январь — ноябрь 2017 г. Дата обращения 1 марта, 2018 г. <https://мвд.рф/folder/101762/item/11830347>.

последствиями для здоровья и жизни потерпевшего. Так, согласно ч. 1 ст. 296 УК наказуема угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде. В соответствии с ч. 1 ст. 318 УК в уголовно-правовом порядке преследуется угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

С учетом вышеизложенного подчеркнем, что попытки трактовать категорию «применение насилия» в статьях Особенной части УК в смысле воздействия не только физического, но и психического (Douglas et al. 2006, 295) способны повлечь необоснованное расширение оснований уголовной ответственности и игнорирование конституционных положений, которые толкуют в пользу обвиняемого неустранимые сомнения в виновности лица (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ).

Также еще раз заметим, что согласно уголовному закону только *умышленная* форма вины характеризует преступления, совершаемые с применением или угрозой применения насилия. Само применение силы не исключает своего наличия в механизме неосторожного причинения вреда жизни, здоровью или другим правоохраняемым ценностям (в частности, ст. 109 и 118 УК), но не может иметь самостоятельного значения для квалификации, если не находится в причинной связи с наступившими последствиями в силу действия принципа субъективного вменения и, соответственно, не способно трансформировать неосторожное преступление в умышленное общественно опасное посягательство.

2. Основное исследование. Современное уголовное законодательство признает насилие и угрозу его применения самостоятельными умышленными преступлениями против здоровья и жизни, порядка управления и правосудия (ст. 116, 117, 119, 296, 318, 321 УК) либо способами совершения ряда умышленных уголовно-противоправных деяний. Во втором случае они выступают как конструктивные признаки объективной стороны этих посягательств, а также как их квалифицирующие и особо квалифицирующие обстоятельства. Это делает насилие и угрозу его применения критериями, которые отграничивают преступное деяние от смежных уголовно наказуемых деяний и непроступного поведения. Также они могут выступать как основание дифференциации уголовной ответственности при использовании их в законе в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков состава отдельного умышленного преступления (Атальянц 2010, 13; Рузевич 2008, 334).

В качестве самостоятельного преступления против порядка управления угроза применения насилия может выступать в следующих случаях:

- если она адресована представителю власти при исполнении им должностных обязанностей; также если она обращена к близким этого представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК);
- если она обращена к осужденному в качестве препятствия исправлению его или как месть за содействие, оказанное им администрации органа или учреждения уголовно-исполнительной системы (ч. 1 ст. 321 УК);
- если она направлена в сторону сотрудника мест содержания под стражей или мест лишения свободы в связи с осуществлением им своих служебных

обязанностей; также если она адресована близким этого сотрудника (ч. 2 ст. 321 УК).

Адресатом насилия (если это — способ преступления) может быть как жертва — основной объект посягательства, так и другие лица (ст. 131, 132, 163 УК) (Капитонова и др. 2016, 53). При буквальном толковании закона соответствующие статьи УК охватывают применение и угрозу применения насилия к «*другим лицам*». При этом не требуется дополнительно квалифицировать эти действия по прочим статьям уголовного закона, которые устанавливают ответственность за преступления против личности. При другом подходе возникает противоречие с принципом «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (*non bis in idem*).

Насильственное воздействие содержит противоправное применение *силы*. Контекст совершенного насильственного правонарушения требует понимать *силу* буквально — как векторную физическую величину. Необходима трактовка силы как фундаментальной категории физики, с помощью которой измеряется интенсивность воздействия на конкретное тело других тел и полей. Из-за силы, приложенной к массивному телу, в последнем возникают деформации и напряжения.

Отсюда можно сделать вывод о выражении применения насилия через использование человеческой мускульной силы, силы света, силы звука, силы тока, силы сильнодействующих, ядовитых и прочих веществ и средств, силы механизмов или машин, силы животных, других природных существ и явлений. На это обстоятельство обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ в п. 23 Постановления от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», где разъясняется, что в случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием. Свойства и характер действия веществ, примененных при совершении указанных преступлений, могут быть при необходимости установлены с помощью соответствующего специалиста либо экспертным путем.

Еще раз подчеркнем, что в уголовно-правовом смысле насилие трактуется ограниченно как умышленное противоправное применение *физической* силы. Уголовный закон понимает насилие как намеренное противоправное воздействие на физическую неприкосновенность человека, при котором наносится вред его здоровью, причиняется физическая боль, мучения, страдания и даже возникает летальный исход. Очевидно, что состав насилия охватывает собой поведение, которое как не привело к общественно опасным последствиям в виде физического вреда, так и повлекло вред здоровью или привело к смерти другого человека.

Уголовное право понимает насилие как действие, т. е. как активное поведение. Оно выражается самыми разными акциями: нанесение побоев, ранений, ударов, толкание, выкручивание или заламывание рук, сдавливание частей тела, вырывание волос, защемление кожи, удушение жертвы, истязание, пытка, связывание или

надевание наручников для временного лишения свободы передвижения, насильственное заперение в помещении, насильственное похищение, жестокое обращение, использование беспомощного состояния жертвы, нанесение вреда здоровью, лишение жизни и пр. В силу этого обстоятельства насильственные действия имеют самые различные формы своего проявления.

Между тем вряд ли обоснованно относить к разновидностям насилия оскорбление и систематическое унижение (Круковский и Мосечкин 2017, 101). Эти деяния (если, конечно же, они не выражаются в нарушении телесной неприкосновенности потерпевшего) посягают непосредственно на честь и достоинство другого человека, а не на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность жертвы.

Насилие в уголовно-правовом смысле можно понимать и как *противоправное бездействие*. В подкрепление этой позиции можно обратиться к таким примерам, как лишение человека пищи и/или воды, оставление потерпевшего в холодном помещении, иные виды бездействия, которые причиняют другому лицу физические мучения и страдания, включая опасность причинения вреда здоровью и жизни.

Как уже говорилось ранее, насилие в уголовном праве — разновидность *физического* воздействия (Безручко 2014, 25). В определенных условиях его можно понимать и как *психическое* воздействие, например, если пытаются одного человека в присутствии другого, чтобы утратить последнего и склонить его к такому поведению, которого желает виновный. С учетом конкретных обстоятельств здесь имеет место либо идеальная совокупность преступлений (допустим, описанная в ст. 119, 296 или 318 УК — угроза причинения вреда здоровью в отношении одного человека и умышленное причинение вреда здоровью другой жертве), либо одно сложное преступление, которое предусмотрено ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, п. «в» ч. 2 ст. 163 УК и др.

Закон активно использует понятие «угроза применения насилия» вместе с категорией насилия как неправомерного применения физической силы.

Под угрозой применения насилия понимается *психическое* воздействие на сознание и волю другого человека (Колосова и Поднебесный 2007, 36; Thornton 2014, 90). В этом заключается отличие угрозы от насилия в уголовно-правовом смысле.

Угроза — это только активная форма поведения. Для ее выражения используется запугивание, устрашение, «терроризирование» другого человека (Farajirad et al. 2011, 32).

Угроза характеризуется целенаправленностью (Jerrard 1995, 25; Zorza 1993, 46). У нее есть конкретный объект — неприкосновенность личности. Ее цель — совершить над объектом такие действия, которые вызовут чувство тревоги и беспокойства за личную безопасность, а также повергнут жертву в состояние страха и опасения за свою жизнь (Johanna 2015, 11) или здоровье.

В понятие угрозы применения насилия входит не только озвучивание преступных намерений. Поводом для опасения человека является не сама высказанная или выраженная иным способом угроза, а возможность ее исполнения. Это опасение будет тем большим, чем реальнее эта возможность. Виновный рассчитывает, что потерпевший воспримет угрозу именно так. По этой причине в действительности очень часто наступают негативные последствия угрозы, даже если они не требуют в уголовно-процессуальном и материальном аспекте своего установления, закрепления и находятся за пределами понятия психического воздействия. Данные

последствия выражаются в нарушении здоровья потерпевшего, ухудшении его физического или психического самочувствия и пр. Правы те исследователи, которые считают, что психическое здоровье не находится в изолированном состоянии в недрах человеческого организма — оно тесно связано со здоровьем физическим, и если затрагивается одно, то с большой степенью вероятности изменения произойдут и в другом (Круковский и Мосечкин 2017, 96).

Таким образом, *угроза применения насилия* — это запугивание потерпевшего причинением вреда его жизни или здоровью, нарушением его физической неприкосновенности.

К видам этой угрозы следует относить угрозу побоев, истязаний, пыток, а также угрозу убийством, причинением вреда здоровью и пр.

Способы выражения угрозы применения насилия могут быть разными и выражаться в различной форме (Наумов 2010, 131) (устно, письменно или путем конклюдентных действий).

Передать угрозу можно лично, через третьих лиц (посредников), по телефону или прочим средствам связи. Угроза может следовать из обстановки.

Также существуют явные и завуалированные угрозы. Высказывается мнение о якобы ненаказуемости скрытой угрозы, которая может быть истолкована по-разному, в том числе без криминального подтекста (Скобликов 1999, 98). С таким суждением нельзя согласиться. Угроза по форме может быть любой, и это никак не влияет на уголовно-правовую оценку содеянного. Однако установление и процессуальное закрепление скрытых угроз физической расправы или другого причинения вреда потерпевшему, его семье или другим лицам затруднено, и именно в этом заключается расчет виновного, который высказывает угрозы в завуалированной форме, чтобы избежать уголовной ответственности.

Угроза применения насилия обладает рядом обязательных признаков.

Во-первых, высказывание, выражающее намерение совершения физического насилия, должно иметь *реальный* характер. Под этим понимается наличие оснований для опасения исполнения угрозы. Основания признаются достаточными, если и потерпевший, и угрожающий серьезно относятся к возможности реализации запугивания. Существует мнение, которое связывает реальность угрозы с объективными основаниями для опасения ее исполнения. При этом в подчиненной роли оказывается субъективное восприятие потерпевшего (Имамутдинов 2010, 14). Однако резонным будет другой взгляд: неправомерно осуществлять перенос реальности угрозы полностью в одну из плоскостей — объективного основания опасности ее реализации или субъективного восприятия потерпевшим. Для установления реальности угрозы в равной степени должны учитываться все обстоятельства содеянного: реальная возможность приведения угрозы в исполнение, восприятие ее потерпевшим и др. Однако основополагающим, как следует из принципа субъективного вменения, должно быть реальное намерение виновного привести угрозу в исполнение. Об этом говорится и в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «Если лицо угрожало заведомо для него негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, например макетом пистолета, декоративным оружием, оружием-игрушкой и т. п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия

(при отсутствии другихотягающих обстоятельств, предусмотренных в качестве признаков преступления) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена ч. 1 ст. 162 УК, а в том случае, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, деяние квалифицируется как грабеж».

Во-вторых, угроза должна быть каким-то образом выражена вовне, т. е. должна быть *наличной*. Угрожающий или иные лица должны довести ее до сведения того, кому она предназначается. Действительный, а не притворный, мнимый характер угрозы должен подкрепляться действиями (жестами) или высказываниями виновного. Потерпевший должен воспринимать угрозу как реально осуществимую, на что и рассчитывает виновный.

Следующие качества угрозы в науке уголовного права относятся к спорным.

Прежде всего, *конкретность*: одни исследователи полагают, что такая форма угрозы является характеристикой ее реальности, другие определяют конкретность по содержанию в угрозе указания на какое-то благо, причинением вреда которому угрожают (телесная неприкосновенность, здоровье, жизнь), а также на определенные действия, с помощью которых лицо намеревается претворить угрозу в жизнь. Во втором случае конкретность подразумевает ясность способа, которым виновный намеревается привести угрозу в исполнение.

Из предыдущего свойства проистекает еще одна особенность угрозы — ее *определенность*. Предполагается, что они взаимосвязаны, однако на деле угрозу можно облачать и в *неопределенную* форму. Это возможно тогда, когда в характере действия, которым виновный угрожает жертве, предусматривается причинение одного из многих неблагоприятных последствий. Вербально это выражается в следующих словах: «если не сделаешь, то хуже будет»; «плохо будет»; «мало не покажется»; «сам увидишь, что будет» и т. п. Согласно п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 при условии соединения завладения имуществом и угрозы применения насилия неопределенного характера вопрос о признании в действиях виновного разбоя или грабежа требует учета всех обстоятельств, относящихся к делу: число нападавших; место и время совершения преступления; субъективное восприятие угрозы; характер предметов, которыми потерпевшему угрожали; совершение определенных демонстративных действий, которые могут свидетельствовать о намерении прибегнуть к физическому насилию и др.

Для уголовно-правовой оценки неважно намерение виновного выполнить угрозу.

Опасность угрозы применения насилия может относиться к настоящему времени или касаться будущего. В первом случае угроза есть высказывание или действие, выражающее намерение *немедленно* нарушить права и интересы потерпевшего, его близких или иных лиц. Иными словами, угроза зла в настоящем предполагает, что физическая сила применяется прямо сейчас и безотлагательно (например, ст. 131, 132, 161 и 162 УК). Во втором случае угроза приобретает форму запугивания неблагоприятными последствиями, которые наступят для жертвы в будущем. Такая угроза превращается в форму противоправного принуждения (например, ст. 133, 163 и 179 УК).

Юристы Древнего Рима полагали, что любое преступление совершается или путем насилия (*injuria*) или путем обмана (*dolus*). Исследователи права неоднократно подмечали, что в любой классификации преступлений обязательно должны присутствовать указанные кримиобразующие основания (Фойницкий 1916, 3).

Самая очевидная классификация насильственных преступлений основывается на объектах преступного посягательства и их делении на родовые, видовые, непосредственные. При этом речь идет об охраняемых уголовным законом социальных отношениях, в которых проявление насилия или угрозы его применения наносит значительный вред охраняемым законом интересам государства и общества, правам и свободам человека и гражданина.

В соответствии с указанным основанием различают следующие группы насильственных преступлений (по числу разделов Особенной части УК): против личности; в сфере экономики; против общественной безопасности (Stepanova 2010, 37) и общественного порядка; против государственной власти; против военной службы; против мира и безопасности человечества.

Каждую из этих групп, в свою очередь, можно делить по названному основанию (второй, третий и последующие уровни классификации).

Например, уголовный закон выделяет пять разновидностей насильственных посягательств на личность: против жизни и здоровья другого человека; против свободы; против половой неприкосновенности и половой свободы личности; против конституционных прав и свобод человека и гражданина; против несовершеннолетних. Классификация насильственных преступлений в сфере экономики выглядит так: насильственные преступления против собственности; насильственные преступления в сфере экономической деятельности; насильственные преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Совершенно ясно, что деление указанных классификационных групп можно продолжать.

Таким образом, допустимо определение насильственных преступлений как умышленных общественно опасных деяний в форме действий или бездействия, которые предусмотрены гл. 16–25, 29–34 УК РФ; их суть состоит в нарушении телесной неприкосновенности, в причинении другому человеку физической боли, мучений, страданий, вреда здоровью, вплоть до летального исхода, равно как и в угрозе причинения указанного вреда или совершения таких действий.

Особое внимание следует обратить на проблему квалификации преступлений, которые совершены с применением или угрозой применения насилия (исключая предусмотренные гл. 16 УК). Здесь требуется различать два случая.

Первый: квалификация преступлений, сопряженных с использованием действий насильственного характера, ответственность за которые соответствующие статьи УК не предусматривают, например контрабанда наличных денежных средств и/или денежных инструментов (ст. 200¹ УК), сопряженная с умышленным посягательством на жизнь, здоровье или телесную неприкосновенность представителя власти. В названной статье отсутствует прямое указание на совершение такого преступления с умышленным причинением смерти, вреда здоровью и т. д. Подобные обстоятельства не являются достаточным основанием для квалификации содеянного в виде единого посягательства. Контрабанду, сопряженную с умышленным посягательством на жизнь, здоровье или телесную неприкосновенность представи-

теля власти, следует расценивать как совокупность соответствующих преступлений в сфере экономики и против порядка управления (ст. 317 или 318 УК). Отсюда следует правило квалификации: если статьи УК (исключая содержащиеся в гл. 16) не предусматривают ответственность за совершение преступления с использованием или угрозой применения насилия, оценка содеянного должна осуществляться по совокупности этих статей и соответствующих статей гл. 16 УК. Иначе говоря, если статьи гл. 17–25, 29–34 УК не предусматривают наличие насилия, необходима квалификация в совокупности с преступлениями против здоровья и жизни (при условии, что есть основания для этого).

Второй: квалификация преступлений, описанных в гл. 17–25, 29–34 УК, если они сопряжены с насильственными действиями, ответственность за которые специально предусмотрена в законе. При этом на угрозу или применение насилия может прямо указываться в тексте закона как на конструктивный, квалифицирующий или особо квалифицирующий признак этих преступлений (допустим, насильственное удержание власти или насильственный захват власти); также это может проистекать из соответствующего положения УК (например, государственная измена как насильственное похищение сведений, которые составляют государственную тайну).

Единого решения для второй ситуации нет. Общими ориентирами можно назвать соотношение степени опасности преступлений с насильственными действиями, которые предусматриваются статьями гл. 17–25, 29–34 УК, и преступлений против здоровья и жизни (гл. 16 УК). Иными словами, требуется сравнить категории преступлений (ст. 15), а также санкции, которые предусмотрены уголовным законом за преступные деяния, соотносимые между собой.

Для еще одного примера можно рассмотреть такие случаи совершенных насильственных посягательств, при которых наступали общественно опасные последствия, конкретнее — физический вред личности.

В том случае, если угроза или физическое насилие — способ совершения преступления большей тяжести, которое предусматривается гл. 17–25, 29–34 УК, квалификация содеянного происходит только в качестве насильственного преступления в сфере экономики, против общественного порядка и общественной безопасности, государственной власти, военной службы или мира и безопасности человечества, при этом не требуется ссылка на гл. 16 УК. Иначе говоря, описанное в гл. 16 УК менее тяжкое насильственное посягательство охватывается более тяжким насильственным преступлением, которое описывается в гл. 17–25, 29–34 УК.

Судебная практика подтверждает такой подход. Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» насильственные действия сексуального характера или изнасилование, совершенные с причинением тяжкого вреда здоровью или угрозой убийством, охватываются диспозицией п. «б» ч. 2 ст. 131 и п. «б» ч. 2 ст. 132 УК и дополнительной квалификации по ст. 119 УК как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью не требуется.

В п. 13 того же Постановления говорится о случаях наступления ответственности по п. «г» ч. 2 ст. 131 и п. «г» ч. 2 ст. 132 УК, если лицо, которое заразило потерпевшего венерическим заболеванием, было осведомлено о его наличии у себя,

осознавало неизбежность или возможность заражения и допускало или желало, чтобы заражение произошло. В этом случае дополнительная квалификация по ст. 121 УК (преступление небольшой тяжести) не требуется.

Случаи, указанные выше, говорят о совокупности преступлений, которая учтена законодателем.

Если же с помощью насильственного посягательства совершается менее тяжкое или такой же тяжести преступление, описанное в гл. 17–25, 29–34 УК, следует говорить о совокупности преступлений, охватывающей содеянное с наибольшей полнотой. Так, в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывается на необходимость квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 286 УК, если должностное лицо совершило убийство при превышении своих должностных полномочий. Аналогичная квалификация — по совокупности с ч. 2 ст. 203 УК — требуется для действий служащего или руководителя частной детективной или охранной службы, который совершил убийство при превышении предоставленных ему по лицензии и противоречащих задачам его деятельности полномочий.

Согласно абз. 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в случае умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшей (потерпевшего) при покушении или совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 111 и соответствующей частью ст. 131 или ст. 132 УК.

3. Выводы. Наука уголовного права должна уделять повышенное внимание собственному категориальному аппарату. Уголовно-правовые понятия — не застывшие категории, они развиваются, адекватно отражая происходящие социально-экономические, политические изменения и учитывая складывающиеся криминогенные тенденции. Уголовно-правовым понятиям свойственна не только социальная обусловленность и криминогенная мотивированность. Они используются для систематизации юридического знания, фиксируют этапы и факторы познавательного правового процесса, характеризуясь научной обоснованностью.

Библиография

- Атальянц, Михаил А. 2010. *Способы совершения преступления и его уголовно-правовое значение*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Безверхов, Артур. 2014. «Понятие и виды насилия в уголовном праве России: вопросы правотворчества и правоприменения». *Уголовное право* 4: 11–18.
- Безручко, Евгений. 2001. *Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью человека*. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростовский юридический институт МВД России.
- Безручко, Евгений. 2014. «Использование термина “насилие” в уголовном законодательстве России». *Уголовное право* 5: 24–26.
- Имамутдинов, Анвар Ф. 2010. *Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования: уголовно-правовые и криминологические аспекты*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинский государственный университет.

- Капитонова, Елена А., Романовская, Ольга В., Романовский, Георгий Б. 2016. *Правовое регулирование трансплантологии*. М.: Проспект.
- Колосова, Валентина, Поднебесный, Алексей. 2007. «Психическое насилие в форме противоправного психологического воздействия как способ совершения мошенничества». *Уголовное право* 3: 35–38.
- Круковский, Владимир Е., Мосечкин, Илья Н. 2017. «Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки». *Журнал Высшей школы экономики* 3: 89–104.
- Наумов, Анатолий В. 2010. *Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 2. Особенная часть*. М.: Волтерс Клувер.
- Рузевич, Олег Р. 2008. «Угроза в преступлениях против собственности». *Актуальные проблемы российского права* 3: 331–337.
- Скобликов, Петр А. 1999. *Взыскание долгов и криминал*. М.: Юрист.
- Фойницкий, Иван Я. 1916. *Курс уголовного права: Часть Особенная: Посягательства личные и имущественные*. Пг.: Юрид. о-во при Петрогр. ун-те.
- Douglas, John E., Burgess, Ann W., Burgess, Allen G. and Ressler, Robert K. 2006. *Crime Classification Manual. A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes*. 2nd ed. Jossey-Bass A Wiley Imprint.
- Farajirad, Abdolreza, Radmehr, Zahra, Darkhor, Mohamad. 2011. “Terrorism in Afghanistan and instability in central Asia”. *Central Asia and the Caucasus* 3: 28–39.
- Jerrard, J. A. 1995. “Conceptualising Domestic Violence in the Criminal Law”. *Social Alternatives* 1: 23–28.
- Johanna, Niemi. 2015. *Gender and Criminal Law Policy*. Finland: Turun yliopisto University of Turku.
- Ivantsova, Natalya V., Gorbunova, Larisa V. 2015. “Crimes Against Life in the Criminal Legislation of the Russian Federation and Some Foreign States”. *Mediterranean Journal of Social Sciences* 3: 187–192.
- Stepanova, Ekaterina. 2010. “Armed conflict, Crime and Criminal violence”. *Sipri Yearbook* 2010: 37–60.
- Thornton, Victoria. 2014. “Understanding the emotional impact of domestic violence on young children”. *Educational & Child Psychology* 1: 90–100.
- Zorza, Joan. 1993. “The Criminal Law of Misdemeanor Domestic Violence, 1970–1990”. *Journal of Criminal Law and Criminology* 83: 46–72.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2018 г.,
рекомендована в печать 15 августа 2018 г.

Контактная информация:

Безверхов Артур Геннадьевич — д-р юрид. наук, проф.; bezverkhov-artur@yandex.ru
Норвартян Юрий Сергеевич — канд. юрид. наук, доц.; norvartyan@yandex.ru

The ratio of the categories “violence” and “threat” in modern criminal law of Russia

A. G. Bezverhov, Yu. S. Norvartyan

Samara national research University named after academician S. P. Korolev,
34, ul. Moscovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation

For citation: Bezverhov, Arthur G., Norvartyan, Yuriy S. “The ratio of the categories ‘violence’ and ‘threat’ in modern criminal law of Russia”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 522–534. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.405> (In Russian)

This paper gives the essential characteristics of paired categories of criminal law — “violence” and “threat”. It is proposed to discuss the understanding of violence as a criminal law category, encompassing the physical and mental effects: intentional, unlawful use of physical force, including the impact on the physical integrity of another person and causing the victim physical pain, torment, suffering, and harm to the health or life or in threat of causing of the specified harm. In addition, violence often occurs in conjunction (together) with other types of socially dangerous behaviour. In connection with the above circumstances in the criminal code, there

is no single criminal-legal norm on the responsibility for the violence at all. Found that “threat of violence” is a kind of criminal threats and intimidation of a victim of an injury of life, body or health, violation of the physical integrity of the victim or other persons. To the threats of violence should include the threat of beatings, torture, rape or violent acts of a sexual nature, as well as the threat murder, causing of harm to health, etc. Ways of expressing threats of violence may be different and expressed in a different form (oral, written, through gestures, conclusive actions, etc.). Developed special rules of qualification of crimes committed with use or threat of physical violence.

Keywords: criminal law, violence, threat of violence, beatings, torture, bodily injury, murder.

References

- Atal'jants, Mikhail A. 2010. *Sposoby soversheniia prestupleniia i ego ugovolno-pravovoe znachenie* [The ways of committing crime and its criminal-legal significance]. PhD in law abstract. Moscow state University named after M. V. Lomonosov. (In Russian)
- Bezverkhov, Arthur. 2014. “Poniatie i vidy nasiliia v ugovolnom prave Rossii: voprosy pravotvorchestva i pravoprimeneniia” [“The concept and types of violence in criminal law of Russia: issues of law-making and enforcement”]. *Ugovolnoe pravo* [Criminal law] 4: 11–18. (In Russian)
- Bezruchko, Evgeny. 2001. *Ugovolnaia otvetstvennost' za prichinenie vreda zdorov'iu cheloveka* [Criminal liability for causing harm to human health]. PhD thesis in law. Rostov Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. (In Russian)
- Bezruchko, Evgeny. 2014. “Ispol'zovanie termina ‘nasilie’ v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii” [“The use of the term ‘violence’ in the criminal legislation of Russia”]. *Ugovolnoe pravo* [Criminal law] 5: 24–26. (In Russian)
- Imamutdinov, Anwar F. 2010. *Ugroza ili nasilstvennyie deistviia v sviazi s osushchestvleniem pravosudiia ili proizvodstvom predvaritel'nogo rassledovaniia: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Threat or violent actions in connection with the administration of justice or manufacture of preliminary investigation: criminal-legal and criminological aspects]. PhD in law abstract. Chelyabinsk State University. (In Russian)
- Kapitonova, Elena A., Romanovskaya, Olga V., Romanovsky, Georgiy B. 2016. *Pravovoe regulirovanie transplantologii* [Legal regulation of transplantation]. Moscow: Prospekt Publ. (In Russian)
- Kolosova, Valentine, Podnebesnyj, Aleksey. 2007. “Psikhicheskoe nasilie v forme protivopravnogo psikhologicheskogo vozdeistviia kak sposob soversheniia moshennichestva” [“Psychological violence in the form of unlawful psychological influence as a way to commit fraud”]. *Ugovolnoe pravo* [Criminal law] 3: 35–38. (In Russian)
- Krukovsky, Vladimir E., Mosechkin, Ilya N. 2017. “Nefizicheskoe nasilie v ugovolnom prave: poniatie i priznaki” [“Non-physical violence in the criminal law: concept and features”]. *Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Journal of Higher school of Economics] 3: 89–104. (In Russian)
- Naumov, Anatoly V. 2010. *Rossiiskoe ugovolnoe pravo. Kurs lektsii* [Russian criminal law. Lectures]: in 3 vols. Vol. 2. *Osobennaia chast'* [Special part]. Moscow: Volters Kluver. (In Russian)
- Ruzevich, Oleg R. 2008. “Ugroza v prestupleniakh protiv sobstvennosti” [“The threat of crimes against property”]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law] 3: 331–337. (In Russian)
- Skoblikov, Petr A. 1999. *Vzyskanie dolgov i kriminal* [Debt collection and crime]. Moscow: Iurist Publ. (In Russian)
- Foinitsky, Ivan J. 1916. *Kurs ugovolnogo prava: Chast' Osobennaia: Posiagatel'stva lichnye i imushchestvennye* [The course of criminal law: Special Part: infringement of personal and property]. Petrograd: Iurid. o-vo pri Petrogr. un-te Publ. (In Russian)
- Douglas, John E., Burgess, Ann W., Burgess, Allen G. and Ressler, Robert K. 2006. *Crime Classification Manual. A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes*. 2nd ed. Jossey-Bass A Wiley Imprint.
- Farajirad, Abdolreza, Radmehr, Zahra, Darkhor, Mohamad. 2011. “Terrorism in Afghanistan and instability in central Asia”. *Central Asia and the Caucasus* 3: 28–39.
- Jerrard, J. A. 1995. “Conceptualising Domestic Violence in the Criminal Law”. *Social Alternatives* 1: 23–28.
- Johanna, Niemi. 2015. *Gender and Criminal Law Policy*. Finland: Turun yliopisto University of Turku.

- Ivantsova, Natalya V., Gorbunova, Larisa V. 2015. "Crimes Against Life in the Criminal Legislation of the Russian Federation and Some Foreign States". *Mediterranean Journal of Social Sciences* 3: 187–192.
- Stepanova, Ekaterina. 2010. "Armed conflict, Crime and Criminal violence". *Sipri Yearbook* 2010: 37–60.
- Thornton, Victoria. 2014. "Understanding the emotional impact of domestic violence on young children". *Educational & Child Psychology* 1: 90–100.
- Zorza, Joan. 1993. "The Criminal Law of Misdemeanor Domestic Violence, 1970–1990". *Journal of Criminal Law and Criminology* 83: 46–72.

Received: May 15, 2018
Accepted: August 15, 2018

Author's information:

Arthur G. Bezverhov — Dr. Sci. in Law, Professor; bezverkhov-artur@yandex.ru
Yuriy S. Norvartyan — PhD in Law, Associate Professor; norvartyan@yandex.ru